

Сакральная паремия *Слышал звон, да не знает, где он*: междисциплинарный аспект

Шкуран О.В.

Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, Луганск

В современной лингвистике язык понимается не просто как средство коммуникации, а как культурный код нации, функциональное описание которого совмещается с когнитивным подходом на широком социо-историко-культурном фоне; при этом одним из аспектов подобных исследований становится комплексный анализ паремиологической составляющей языка.

Цель статьи – убедиться в том, что поговорка *Слышал звон, да не знает, где он* является сакральной и внутренняя форма содержит глубокую социо-историко-культурную интенцию.

Материал и методы. Материалом послужили лексикографические и другие справочные источники, в которые включена рассматриваемая паремия, осмысливаемая в них в семантическом, структурном, лингвокультурном и некоторых иных лингвистических и междисциплинарных аспектах. При проведении исследования использовались как общенаучные методы (наблюдения, обобщения, сопоставления), так и специальные лингвистические и методы междисциплинарного характера: этимологический, дискурсивного и контекстуального анализа, интерпретативный.

Результаты и их обсуждение. Сакральная паремия *Слышал звон, да не знает, где он* представляет лингвомаркёр звон как символ русской культуры, который утратил своё значение в жизни русского человека со времён бо-гоборческой войны XX века. Современный человек с трудом может определить разновидности перезвонов, в каком храме слышен колокольный звон и что он означает. Технологизация упростила сложное восприятие многоголосия через использование электронных систем оповещения как в мирской, так и в церковной жизни. Поэтому устойчивое выражение со значением «знать дело отчасти, не совсем, смутно», в котором употребляется в настоящее время, по всей вероятности, сформировалось уже в атеистический период существования русского государства.

Заключение. Таким образом, проведённый в статье анализ позволяет утверждать, что лингвистические единицы в том числе и устойчивого характера (в данном случае – одна из сакральных паремий) могут в процессе длительного функционирования тем или иным образом трансформировать своё значение под влиянием факторов экстралингвистического свойства (социальных, культурных, политических и т.д.).

Ключевые слова: паремия, сакральность, лингвомаркёр, социо-лингво-культурная интенция, афористичность.

(Ученые записки. – 2019. – Том 30. – С. 203–207)

Sacred Paremia *I heard a jingle, but I don't know where it is*: the Interdisciplinary Aspect

Shkuran O.V.

Lugansk National Taras Shevchenko University, Lugansk

In modern linguistics, language is understood not simply as a means of communication, but as a cultural code of a nation, the functional description of which is combined with a cognitive approach on a broad social historical and cultural background; at the same time, one of the aspects of such research is a comprehensive analysis of the paremiological component of the language.

The purpose of the article is to make sure that the proverb *I heard a jingle, but I don't know where it is* is sacred and the inner form contains a deep social historical and cultural intention.

Material and methods. The material in this case was lexicographical and other reference sources, which included the considered paremia, interpreted in them in semantic, structural, linguistic and cultural as well as some other linguistic and interdisciplinary aspects. During the research, both general scientific methods (observation, generalization, comparison) and special linguistic methods and interdisciplinary methods were used: etymological method, discursive and contextual analysis methods, interpretive method.

Findings and their discussion. Sacred paremia *I heard a ringing, but I don't know where it represents* the linguistic marker of ringing as a symbol of Russian culture, which has lost its meaning in the life of a Russian person since the atheistic war of the twentieth century. It is difficult for a modern person to determine the types of chimes, in which church bell ringing

is heard and what it means. Technologization has simplified the complex perception of polyphony through the use of electronic warning systems in both secular and church life. Therefore, the stable expression with the meaning "to know the matter in part, not entirely, vaguely", which is currently used, in all probability, was formed already in the atheistic period of the existence of the Russian state.

Conclusion. Thus, the analysis conducted in the article allows to assert that linguistic units including those of steady character (in this case – one of sacral paremiaes) can in the process of the protracted functioning this way or other transform their value under the influence of extra-linguistic factors (social, cultural, political and etc.).

Key words: *paremia, sacredness, linguistic marker, social linguistic and cultural intention, aphorism.*

(Scientific notes. – 2019. – Vol. 30. – P. 203–207)

В современной лингвистике язык понимается не просто как средство коммуникации, а как культурный код нации, функциональное описание которого совмещается с когнитивным подходом на широком социо-историко-культурном фоне. Невозможно познать сам язык, не выйдя за его пределы, «не обратившись к человеку, к конкретной языковой личности» [1]. Одним из аспектов подобных исследований становится комплексный анализ паремиологической составляющей языка. Проблема языкового статуса паремий представляет собой дискуссионную область современной антропоцентрически ориентированной лингвистики, которая уделяет большое внимание «ситуативно обусловленным образованиям, источникам обновления и развития языка» [2]. Вместе с тем следует отметить, что паремии являются прецедентными языковыми единицами, которые относятся к области речевой стихии. Но наличие большого числа компонентов в составе паремий, переосмысленных в соответствии с речевой ситуацией, свидетельствует о высокой мотивации внутренней формы устойчивого предложения. Таким образом, для паремий являются характерными парадигматические объединения на основе концептуальной общности отдельных устойчивых высказываний. Паремии «синкретичны по своей природе и сочетают в себе признаки фразеосочетания, афористического высказывания и текста» [3].

К одному из паремиологических жанров относятся пословицы, которые, как правило, имеют параллельные предикативные части, размещённые в линейной последовательности. Ядром конструкции является первая часть, поскольку умозаключение может реализовываться самостоятельно, а вторая часть расширяет обобщённое значение пословицы. Важная черта для паремиологической семантики – «слабые мысли» [4], т.е. их сложно понять, не зная ситуации, которую они полностью характеризуют. В тексте пословицы немаловажную роль играет дискурсивная интенция, которая иллюстрирует когнитивное содержание с нравственной функцией. Стереотипным подходом народного сознания является доминирование отдельного компонента в когнитивной модели в паремии пословичного жанра. Весьма показательны в таких характеристиках паремии религиозного содержания, которые в данной статье мы называем сакральными.

Представители уральской лингвистической школы (Н.И. Коновалова [5], Н.А. Воробьева, Т.Н. Бурмистрова и др.) относят в широком смысле к сакральным фразеологизмам устойчивые народные сочетания с «сакральным компонентом, который характеризуется следующими содержательными характеристиками: с одной стороны – через конкретизаторы: священный, обрядовый, ритуальный, таинственный, магический, сверхъестественный, с другой – через релятивные параметры: относящийся к существу, персонажу, лицу, вещи, действию, таинству и т.д.» [5, с. 6].

Многие исследователи (В. Ильченко, В. Исаев, Е. Цепковская, В. Шелюто и др.) понятие сакрального связывают со значением отделённости, сокрытости, неприкосновенности [6], а в контексте культуры – 'исполненное благодатной иночеловеческой силой' [7].

Сакральной паремией мы называем сложно структурированное морализующее высказывание с целостными и обобщёнными представлениями о позитивном отношении народной культуры к традиционной конфессии.

Стоит остановиться на особой роли в реализации познавательной функции данной паремии *национального лингвомаркёра* (resp. *этнолингвомаркёра*) – *звон*, который отражает национальное своеобразие, «культурную память» и, возможно, может иметь прямые аналоги в других языках, благодаря чему раскрывается этноспецифичность языкового знака в славянском континууме [8]. По словам В.Н. Телия, отражение в языке предметов материальной культуры может стать «надёжным материалом для моделирования культуры» [9].

Цель статьи – убедиться в том, что пословица *Слышал звон, да не знает, где он* является сакральной и внутренняя форма содержит глубокую социо-историко-культурную интенцию.

Материал и методы. Материалом послужили лексикографические и другие справочные источники, в которые включена рассматриваемая паремия, осмысливаемая в них в семантическом, структурном, лингвокультурном и некоторых иных лингвистических и междисциплинарных аспектах. При проведении исследования использовались как общенаучные методы (наблюдения, обобщения, сопоставления), так и специальные лингвистические и методы междисциплинарного характера: этимологический, дискурсивный и контекстуальный анализа, интерпретативный.

Результаты и их обсуждение. Лексема «звон» – укр. звін, дзвін, блр. звон, ст.-слав. звонъ, болг. звънѣц, сербохорв. звъно «колокол», словен. zvon, чеш., слвц. zvon «колокол», польск. dzwon «колокол», в.-луж., н.-луж. Zvon [10] – в русской культуре называет звук, издаваемый колоколом, который призывает христиан к храмовому богослужению. Поскольку распространено мнение о том, что zvonъ произошло из *svonъ под влиянием зову, звать (Мейе, IF 5, 333; Мейе-Вайан 29; Блумфилд, IF 4, 76), постольку данное понятие ассоциируется с церковным колоколом. В «чине благоговения колокола» сказано: «Яко да вси слышашце звенения его, или во дни или в нощи, возбудятя к славословию имени Святого Твоего» [11].

В православии называют звоном то, что воспроизводит один или несколько колоколов; бывает пять видов звона – *благовест* (благая весть), возвещающий о начале церковной службы; *трезвон* (звон в три приёма), символизирующий христианскую радость, торжество; *двузвон* (звон во все колокола дважды) – радость о воплощении Второго Лица Пресвятой Троицы; *перезвон* (поочерёдный многоразовый звон колоколов) – «истощание» Господа ради нашего спасения; *перекор* (медленный поочередный звон по несколько раз) – грусть и скорбь об усопшем [11, с. 726].

В славянских преданиях и летописных сказаниях упоминается ещё об одном виде звона – *самозвоне*: в третьей Новгородской летописи сообщается о том, что в 1470 г. в предвещии завоевания города колокола из Корсуни сами о себе зазвонили. Кашубы верили, что перед пожаром, градом, эпидемией колокола звонят сами; мотив самозвучания описывается в духовных стихах об Алексее Человеке Божьем, св. Борисе и Глебе, св. Дмитрие Солунском [3, с. 546].

Колокола стали использоваться христианами не сразу: в Ветхозаветной церкви в Иерусалимском храме верующие созывались звуками труб. В первые века гонений от язычников христиане открыто не возвещали о Богослужении – о времени и месте сообщал сам епископ. Как общий способ созыва верующих к VI веку употреблялись *била* (кандалии) – деревянные доски и *кленала* – железные или медные полосы, согнутые в полукруг.

Изобретение церковных колоколов приписывается св. Павлину, епископу Ноланскому (411 г.), т.е. в конце XV – начале V в., по преданию, св. Павлин во сне увидел полевые цветы – колокольчики, которые издавали приятные звуки. После этого епископ дал распоряжение отлить колокола в форме этих цветов.

Русь заимствовала колокола из Западной Европы в IX в., поэтому происхождение лексемы учёные связывают и с немецким эквивалентом Glocke; и с греческим словом «калкун» (от слов «кленала» или «било»); в церковных богослужебных книгах колокол именуется «кампаном» – от названия римской провинции Кампаний, где из меди были отлиты первые колокола.

По мнению Т.Б. Радбиля, «любой народ вырабатывает особые принципы отношения человека к Миру,

к Богу, к Человеку и делает это на своём родном языке и во многом с помощью языка» [12]. Поэтому колокольный звон приобрёл явные черты антропоморфизма, что отразилось в номинировании его составных частей, которые стали называться и продолжают называться номинациями – обозначениями частей человеческого тела и одежды человека: *тулово*, *оплечье*, *язык*, *уши*, *плащ*, *юбка*. Спустя некоторое время в России стали отливать колокола и присваивать собственные имена – Вседневный, Реут, Успенский, Праздничный, Царь-Колокол и нарицательные – *сторожевой*, *набатный* / *всполошный*, *вечевой* (от народного *вече*), *вестовой* (от слова *весть*), *путевой* (указывающий путь), *метельный* (спасающий в метель сбившегося в пути), *ссылный* (сосланный за какую-то «провинность»), *Карнаухий* (с отрубленными ушами), *лыковый* (разбитый и связанный лыком), *пленный* (взятый во время захвата в плен – *Немчин*, *Татарин*, *Голландец* и др.). Имя *Голодарь* присваивали благовестующим во время Великого поста. Отличительными чертами русских колоколов являются их звучность и певучесть, что достигается различными средствами, например, у колокола есть ударная свободнокачающаяся часть под названием *язык*, который и производит звук. Язычный способ изготовления колоколов на Руси развил народное умение различать многоголосие. Обозначение одной из частей колокола номинацией *язык*, также, безусловно, не случайно: ведь звон колокола напоминает живой голос, является говорящими устами, Божьим гласом. Жители сёл и городов внимательно слушали напевы колоколов и научились различать их мелодии – например, колокол *Лебедь* издавал резкий, сильный звук, напоминающий крик лебедя; звук колоколов с прозвищами *Баран*, *Козёл* (отмечены и такие) был дребезжащий и неровный; имена святых *Гавриил*, *Георгий*, *Крест*, *Неопалимая Купина* подчёркивали торжественность и чистоту звучания. Они стали символом русского народа, русской культуры и часто используются как символ призыва к духовному возрождению, несмотря на то, что решение о замене на звонницах бил и клепал православными священниками было принято неохотно. В частности, например, на Афоне некоторые монастыри по-прежнему применяют эти ударные предметы для созыва на церковную службу.

При изготовлении бил мастера подбирали дерево из бука, ясеня, клёна, а для наибольшей музыкальности колоколов использовались звонкие металлы – медь или бронза. Благодарные Господу христиане заказывали новые колокола, оставляли на них надписи о том, когда и кем он был отлит. Часто благодетели отливали колокола для храмов из серебра (так, в 1890 г. в Харькове появился серебряный колокол из чистого серебра весом в 20 пудов в знак сохранения жизни царской семьи при крушении поезда) и позолоты (в Сибири в г. Таре при храме Казанской иконы Божьей Матери), даже из глины (такие колокола применялись в Соловецком монастыре).

Но благозвучность и звонкость колокольного звона определялись не содержанием драгоценных металлов (они не улучшали качество звона), а пропорцией меди и олова (на 100 пудов меди добавляли 22 пуда олова за 10 минут до отлива колокола) и формой и толщиной стенок колокола, потому что толщина его была неравномерной – в верхней части меньше, а в нижней – толще [13].

А ещё колокол уподобляли бьющемуся сердцу. У гуцулов на Ивана Купала девушка омывала язык звонницы и приговаривала имя возлюбленного в молитве для установления более крепких отношений. Висящим колоколам на одной звоннице приписывались родственные отношения – отец, мать, сын, брат (например, как в сказке Н. Агафонова «История одного колокола»), а в их звуках слышалась человеческая речь.

Поскольку колокольный звон был и остаётся сакральным атрибутом христианского богослужения, то в составе фразеологических единиц, закрепивших многие культурные смыслы, эта номинация до настоящего времени обладает значением, связанным с мерою правды, чистоты, отличного качества и под., например: *рожь чище звона* ‘созревшая рожь’; *говорит как колокол* ‘чисто говорит’; *человек-колокол* ‘разносчик новостей’; *как под колоколом* ‘иметь богатырский голос’; *стоять под колоколом* ‘хорошо слышать’; *колокол льют* ‘говорить о несбыточных новостях’; *целешенек как колокольчик* ‘быть здоровым и бодрым’; *полно девке колоколоть-то* ‘цвести’ и другие.

Однако в составе паремий компонент *колокол* может иметь не только положительную, но и отрицательную коннотацию, напр.: *Пришло счастье, хоть в колокола звони! Бездушен колокол, а благовестит во славу Господню. Чужой человек в доме колокол. Ваш колокол, хоть разбей об угол. У царя колокол на всю Русь* (рекрутский набор) [14].

В русском языке сформировалась довольно характерная словообразовательная цепочка с рассматриваемой номинацией: *колокольчатый* – ‘похожий на колокол’; *колокольник* – ‘колокольный мастер’; *колокольница* – ‘жена мастера’, ‘иноверческая колокольня’; *кококольщичий, колоколенный, колокольничный* – ‘свойственный мастеру’; *накололоть* – ‘наговориться’ и др. [14].

Подобное явление обусловлено рядом культурных факторов. В частности, в бинарной системе взаимодействия организованной религии и аморфного открытого язычества неотъемлемой сущностью русской культуры, по утверждению Б.А. Успенского и Ю.М. Лотман, всегда оставалась двойственность [15] – в связи с богословской необразованностью (неустойчивой религиозной ориентацией) (Ю.Ю. Синелина) русский человек, приняв христианство, во многих своих жизненных ситуациях руководствовался прежними, дохристианскими подходами. Так происходило, например, в юридической сфере – ср., в частности, использование очистительной присяги под колоколом; привязывание к колоколу украденной вещи – для определения вора; в обиходно-бытовой сфере,

где, к примеру, после колокольного звона приступали к домашней работе по уходу за животными, домашней птицей; в важной для русского крестьянина сельскохозяйственной среде – ср., в частности, пробуждение плодовых деревьев после звона в Страстную субботу; при совершении разного рода медицинских процедур – так, при повальной болезни звоном изгоняли нечистую силу; под колокол ставили кликуш, больных детей, а также людей при испуге, лихорадке и других болезненных состояниях.

Среди праздничных звонов особенно популярным был пасхальный, которому приписывалась возрождающая и продуцирующая сила: девушки в течение всей пасхальной недели собирались на колокольне, пели, плясали, звонили, дети играли с пасхальными яйцами; на Украине и в восточной Польше считалось, что пасхальный звон положительно влияет на рост гречихи и т.д. [16].

О колоколе слагали песни, писали лирические стихи, картины, ведь он был мерою земной, временной жизни и призывом к вечному бытию, например, в 1827–1828 гг. стихи-перевод И. Козлова и музыка композитора А. Алябьева легли в основу песни, получившей статус народной только благодаря тому, что она выражала саму суть души народа, его страдания, характер: *Вечерний звон, вечерний звон! Как много дум наводит он О юных днях в краю родном, Где я любил, где отчий дом, И как я, с ним навек простясь, Там слушал звон в последний раз!*

Гармонично сочетает изображение русского монастыря в лучах заходящего солнца на полотне «Вечерний звон» русский художник И. Левитан (1892). Символическое значение переднего плана картины – берег, затемнённый вечерними сумерками, – несомненно, связан с миром земным, суетным и сумрачным. Тонкая тропинка к монастырю – путь, с которого начинается духовное возрождение. Обитель изображена на берегу Волги, которая символизирует границу между двумя мирами, и лодка с извозчиком, перевозящим души с одного берега на другой (как в греческой мифологии представление о реке Стикс и Хароне).

Таким образом, социо-историко-культурный анализ лингвомаркёра *звон* позволяет утверждать следующее: каждый русский христианин прекрасно разбирался в многоголосии колокольного звона – ведь в каждом городе, селении были возведены православные храмы со звонницей, на которых устанавливали ансамбль колоколов. Из года в год, изо дня в день, по несколько раз в день русский человек слышал и запоминал звон, поэтому мог легко определить место расположения звучащего колокола (в Москве во второй половине XIX века звенело 1700 колоколов, а в 1917 году в России их было миллион). Примечательно, что колокол стал не только православным, но и государственным символом: *Чувством красоты Я от природы не был обездолен; Но у кого все средства отняты, Тот слышит звон, не видя колоколен...* [16].

Заключение. Сакральная паремия *Слышал звон, да не знает, где он* представляет лингвомаркёр звон как символ русской культуры, который утратил своё значение в жизни русского человека со времён боготорческой войны XX века. Современный человек с трудом может определить разновидности перезвонов, в каком храме слышен колокольный звон и что он означает. Технологизация упростила сложное восприятие многоголосия через использование электронных систем оповещения как в мирской, так и в церковной жизни. Поэтому устойчивое выражение со значением «знать дело отчасти, не совсем, смутно», в котором употребляется в настоящее время, по всей вероятности, сформировалось уже в атеистический период существования русского государства [10]. Отражая черты национального характера, будучи ретранслятором культурной традиции в языке и обладая кумулятивной функцией, сакральная паремия, употребляемая во всех восточнославянских языках (рус. *Слышал звон, да не знает, где он* (укр. *Чув дзвін, та не знає, де він*; бел. *Чуў звон ды не ведае, дзе ён*), включает в себя большое количество компонентов, переосмысленных в соответствии с речевой ситуацией, и свидетельствует о высокой мотивации внутренней формы. Это одновременно и фразеосочетание, и афористическое высказывание, и микротекст. При параллельном расположении предикативных частей пословицы проиллюстрированы «слабые мысли», которые выражают когнитивное содержание с ироническим смыслом.

Литература

1. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – С. 7.
2. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и паремология / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семенов. – М.: Флинта, Наука, 2009. – С. 124–126.
3. Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1995. – Т. 3. – 2009. – 655 с.
4. Зельдович, Г.М. О типах семантической информации: слабые смыслы / Г.М. Зельдович // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – 1998. – Т. 57, № 2. – С. 32–41.
5. Коновалова, Н.И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен: монография / Н.И. Коновалова. – Екатеринбург: ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2007. – 298 с.
6. Ильченко, В.И. Духовная культура в пространстве сакрального: монография / В.И. Ильченко, В.М. Шелютто. – СПб.: Изд-во «Ъ»; Луганск: «Пресс-экспресс», 2016. – С. 24–26.
7. Культурология XX век. Энциклопедия / гл. сост. С.Я. Левит. – СПб.: Университетская книга, ООО «Алетейя», 1998. – С. 34.
8. Ломакина, О.В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль / О.В. Ломакина; под ред. д-ра филол. наук, проф. В.М. Мокиенко. – М.: Изд-во РУДН, 2018. – С. 94–96.
9. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 1: А–Д. – 1986. – С. 234.
10. Большой толково-фразеологический словарь Михельсона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: enc.biblioclub.ru/.../127_Bolshoy_tolkovo-frazeologicheskii_slovar_Mihelzona. – Дата доступа: 08.08.2019.
11. Серафим Слободский, протоиерей. Закон Божий. Руководство для семьи и школы / Протоиерей Серафим Слободский. – М.: АНО «Православный журнал “Отдых христианина”», 2002. – С. 721–726.
12. Радбиль, Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие / Т.Б. Радбиль. – М.: Флинта: Наука, 2010. – С. 7.
13. Бородин, А.В. Основы православной культуры. Православие – культуруобразующая религия: учеб. пособие / А.В. Бородин. – Изд. 6-е, испр. и доп. – М.: ООО «ТДДС «Столица-8», 2014. – С. 122–144.
14. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] // Википедия, свободная энциклопедия. – Электрон. дан. – Сан-Франциско: Фонд Викимедиа, 2008. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=7042034>. – Дата доступа: 09.08.2019.
15. Лотман, Ю.М. О семиотическом механизме культуры / Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1971. – Вып. 284. – С. 147–152.
16. Толстой, А. Биография. Стихи [Электронный ресурс] / А. Толстой. – Режим доступа: <https://www.mmsk.ru/people/unit?id=47686>. – Дата доступа: 09.08.2019.

Поступила в редакцию 17.09.2019